

Вода, боги и люди в Центральной Азии.

Тигран МКРТЫЧЕВ

старший научный сотрудник, заведующий сектором Средней Азии Музея народов Востока (Москва).

На бескрайних просторах Центральной Азии как четыре тысячи лет назад, так и сейчас можно услышать молитву, вторящую гимну Ригведы: "Да помогут мне священные воды..."

Вода в Центральной Азии значит столько, что человек, для которого отключение воды в городской квартире - просто лишение одного из повседневных атрибутов, вряд ли поймет, что за этим стоит реальная жизнь и реальная смерть. В каждой капле воды, упавшей на среднеазиатскую землю, концентрировались различные проблемы человеческого бытия - от идеологии до вопросов развития техники и права. Этот "коктейль" из верований, гидросооружений, человеческих жизней и государственных задач имеет свою давнюю историю.

В глубокой древности Центральную Азию населяли иранские племена, религиозные представления которых, как считается, нашли в последствии свое воплощение в зороастризме. Вероятно, одним из первых свидетельств в Центральной Азии сакрального отношения к священным зороастрийским стихиям - огню и воде засвидетельствовано в храме на Джаркутане, построенного во II тысячелетии до нашей эры. Во дворе храма, наряду с алтарем, под специальным навесом располагался священный колодец.

По мнению автора этих строк, вопрос о месте зороастризма в конфессиональной истории Центральной Азии остается нерешенным. Однако, очевидно, что его влияние из соседних "зороастрийских" стран как Ахеменидский Иран, или Сасанидская империя было очень значительным и нашло отражение в идеологии центральноазиатских народов.

В зороастрийских священных текстах имеются многочисленные упоминания о воде и водных божествах. По зороастризму, вода была такой же чистой стихией, как и огонь. В одной из зороастрийских священных книг Бундахишне, в которой рассказывалось о сотворении и структуре зороастрийского мира, сказано, что "первой была сотворена вода, а из нее возникло все остальное"(17,4). Вода занимала свое определенное место в структуре иранского мироздания: она "покрывала все, что было ниже этой земли". Согласно мифической зороастрийской географии, в центре земной плоскости рядом с мировой горой Хара расположено озеро Ворукаша - источник всех земных вод.

Основное значение воды иранские племена видели в культе плодородия. В ранней Авесте среди семи высших зороастрийских богов (Амеша Спента) существовала божественная пара, члены которой символизировали воду - Хаурватат (Дух Воды) и растительность - Амератат (Дух Растений) (Ясна, III, 1, 20; IV, 1, 3). В их функции входило управление всеми водами и растениями, что включало в себя, в частности, своевременное принесение воды растениям (Бундахишн, XXVI, 32, 36).

Кроме того в иранской мифологии есть специальная богиня воды и плодородия - Ардвисура Анахита. Ряд авторитетных специалистов по зороастризму считает, что формирование ее культа было связано со Средней Азией. В Авесте ей посвящен специальный гимн - пятый Яшт. Он называется - "Абан Яшт" (Гимн водам). В нем об Ардвисуре Анахите сказано как о "бескрайней", "равной по длине всем водам, что здесь по земле текут". Она имеет

непосредственное отношение к плодородию, так как именно она "выращивает семена всех мужей" и "подготавливает к родам материнское лоно всех жен". В гимне Ардвисура Анахита предстает в образе "девушки прекрасной, сильной и стройной, высоко подпоясанной, прямой, знатного рода У(XXX,126). Вместе с тем, чтобы умиловить богиню и заручиться ее поддержкой необходимы кровавые жертвоприношения. Так, первый зороастрийский царь Йима для процветания "дома, селения, округа, страны" приносит в жертву Ардвисуре Анахите "сто коней, тысячу быков, десять тысяч овец" (VII,25).

Исследовательница зороастризма М. Бойс соотносит Ардвисуру Анахиту с индоиранским водным божеством Сарасвати ("Та, которая владеет водами"). Древние индийцы отождествляли Сарасвати с конкретной рекой, протекающей в Пенджабе. Неопределенность места написания Авесты (не исключено, что это был один из среднеазиатских регионов), и то значение, которое играла Ардвисура Анахита, послужили причиной того, что многие ученые сопоставляют богиню с конкретной рекой. Судя по географическому положению, на эту роль претендуют две основные реки Средней Азии. Так, по мнению одних, культ Анахиты как богини воды сложился у кочевых иранцев, обитавших на берегах Сырдарьи (Х. Ньюберг). Тогда как другие считают, что Анахита отождествлялась с Амударьей (И.М. Стеблин-Каменский). Однако, на сегодняшний день из-за отсутствия точных аргументов оба предложения остаются дискуссионными.

Популярность Ардвисуры Анахиты в иранском мире, этимологическая основа которой прослеживается даже в славянском словосочетании - Мать-сыра Земля, на протяжении многих лет служила предметом спекуляций археологов, интерпретировавших любое изображение женщин на памятниках среднеазиатского искусства как богиню воды и плодородия Анахиту. Это приводило к тому, что девственная Анахита приобретала черты чувственных менад дионисийских мистерий. Однако в современной среднеазиатской археологии уже отказались от такого упрощенного подхода. Только одно из известных изображений может с уверенностью идентифицировать с древней богиней. На скальном сасанидском рельефе III в.н.э. Анахита представлена в виде женщины в пышном одеянии и высокой короне в тот момент, когда она вручает венок - символ царской власти шаху Нарсе.

Среди зороастрийских богов имеется еще одно водное божество - Апат Напат (Дитя Вод). В пехлевийских текстах его основная функция состоит в распределении воды по областям зороастрийского мира (Бундахишн, XXVI, 27).

Такое большое количество божеств различного ранга, отвечающих за воду, наглядно свидетельствует о ее значимости у древних иранцев, населявших Центральную Азию.

Благодаря походам Александра Македонского Центральная Азия оказалась вовлечена в мир эллинизма, породивший удивительный синтез греческой и восточной культур. Примеры этого синтеза, связанные с водной стихией, хорошо известны по раскопкам в Бактрии. Так, вероятно, первоначально бактрийскому (иранскому) божеству реки Амударьи - по-гречески Окс, по-ирански - Вахш, при Ахеменидах был построен храм огня Тахти-Сангин. Нам неизвестно, как выглядел иранский Вахш (дикий). Однако, когда пришедшие сюда греки принесли свою идеологию и свое искусство, мир водных образов Центральной Азии пополнился Силеном-Марсием, которому было "поручено" изображать Вахш. Именно в таком образе маленького, лысого старичка, играющего на двустольной флейте предстает он перед нами на вотиве, который иранец Атросок посвятил Оксу. В эллинистическое время местные реки "наполнили" младшие речные божества греческого пантеона - гиппокамписы - женщины с рыбьим хвостом, лошадиными ногами и крыльями птицы, о чем свидетельствует находка с изображением гиппокамписы среди вещей, посвященных храму Окса.

Водные божества продолжали играть значительную роль в идеологии среднеазиатских народов и в раннесредневековое время. В одном из храмов согдийского города Пенджикента стены айвана украшены глиняной панелью. На ней изображен водный поток, на поверхности которого выступают различные фигуры, главным образом фантастические существа, в том числе и ластоногие (тритоны). Иконографические параллели в индийском искусстве, где аналогичные персонажи символизировали реки Ганг и Джамку, позволили предположить, что рельеф в пенджикентском храме символизировал собой реку Зеравшан, которая является основной рекой Согда.

В отличие от иранцев, в идеологии тюркских племен, которые начали широко расселяться на территории Центральной Азии с раннего средневековья, вода была теснейшим образом связана с землей, но не в значении места, где занимаются земледелием, а как с пространством для пастбищ. Так, наряду с основными тюркскими богами - Тенгри и Умай существовало божество Ыдык Йер-Суб "священная Земля-Вода тюрков", которое отражает эту взаимосвязь земли и воды. Упоминание об этом божестве встречается в Большой надписи Кюль-тегину, однако как оно выглядело нам пока неизвестно. По всей видимости, основные функции этого божества заключались в том, что оно покровительствовало тюркам и наказывало согрешивших.

С приходом ислама, предписывающим строгое единобожие и запрещающего поклонения идолам, водные божества предшествующего времени сохранились, но претерпели значительные изменения. Показательна метаморфоза с Хаурвататом и Амерататом. Наверное в силу определенной универсальности их значения эти иранские божества остаются в мусульманской мифологии. Но, с ними делают то, что во всем мире принято делать с идеологическими противниками, - им придают совсем иное значение, чем то, которое они имели прежде. В исламе Харут и Марут - ангелы, которые не прошли испытания земной жизнью. Соблазненные женщиной, Харут и Марут совершили все мыслимые проступки, были заточены в тюрьму, где их мучает безумная жажда.

Сейчас трудно детально реконструировать те процессы, которые происходили в идеологии на протяжении средних веков в Центральной Азии. То смешение исламского и домусульманского, как это было в том числе и по отношению к воде, прекрасно иллюстрируют слова Абурейхана Бируни: "Вахш - имя ангела, поставленного наблюдать над водами, в частности над рекой Джейхуном". Вспомним, что Вахш это иранское название реки и божества Аму-Дарьи, а Джейхун это ее арабское название. Божество реки превращается в ангела, охраняющего реку - все течет и ничего не изменяется - в исламском обществе место домусульманского божества занимает мусульманский святой. Одной из таких замен является известная хорезмийская святая Амбар-она. Согласно традиции, она была женой видного шейха, распространителя ислама среди "неверных" Сулейманана Бакиргани, более известного как Хаким-ата. Она обеспечивает плодородие, помогает роженицам, т.е. исполняет функции иранской Анахиты. Водный характер святой подтверждает ее связь с Амударьей, занимающей до сих пор огромное место в верованиях и обрядах, связанных с плодородием. Еще до недавнего времени бесплодные женщины переправляясь через Амударью бросали в ее воды жертвенную соль и хлеб, призывая о помощи в появлении потомства святую Амбар-ону. В отсутствии переправы жертвоприношение водам совершалось на берегу. Известен обряд, когда бездетные женщины перешагивали или перепрыгивали арыки с текущей водой, обязательно сопровождая свои действия жертвоприношением воде и обращением к Амбар-ону.

Согласно одной легенде, у Амбар-она был любимый сын Хубби, который исчезает в водах Амударьи, где становится властелином подводного мира Султан Хубби. Он регулирует режим реки, помогает терпящим бедствие судам. В тоже время в реке обитают злые духи -

аранглары. Они также пытаются управлять водами и регулировать ее режим, они вызывают наводнения и кораблекрушения. Агангларов никто никогда не видел, но сами они всевидящие. И только Султан Хубби вступает с ними в схватку за интересы людей.

Помимо этого население среднего течения Амударьи до сих пор верит в существование добрых кыркчильтен - сорока невидимых святых, которые прокладывают русла рек. Поэтому при рытье каналов им старались придать естественную форму ложа рек. Считалось, что если каналы из Амударьи делать прямыми, непохожими на естественное русло реки, то кыркчильтен будут недовольны и не пустят воду в канал. Хорошей приметой служила живая рыба, попавшая в новый канал вместе с первой водой. При пуске новой воды в магистральный канал (новый или открытый после окончания очистки) на берегу совершали жертвоприношение - резали барана, причем так, чтобы кровь стекала в воду. После этого устраивалась коллективная трапеза. Весь обряд сопровождался чтением мусульманских молитв. Однако, как не вспомнить при этом далекий "Абан-Яшт": "Ей (Анахите - Т.М.) жертву приносил он, Блестящий, богатый стадами Йима, На вершине горы Хукарйа - Сто коней, тысячу быков, десять тысяч овец".

Широко бытует мнение, что потребность в воде заставляла селиться людей на берегах рек. Однако, имеющиеся данные позволяют считать, что водоснабжение в этих случаях осуществлялось скорее всего за счет воды текущей самотеком по каналам или водопроводам из других мест выше города, так как уровень воды в реке все-равно был самой низшей точкой округи и воду из реки необходимо было поднимать при помощи подъемников. Поэтому река в этих случаях выступала либо в виде водной преграды, либо в виде достаточно удобной транспортной артерии. В тоже время у городов на реках возникала серьезная проблема, связанная с меандрированием реки, паводками, короче, всей разрушительной силой проточной воды.

Нам известно немало примеров когда люди вынуждены были покинуть свои жилища из-за этого. Так, примерно со II в. до н.э. на правом берегу Амударьи в 20 километрах ниже по течению Термеза существовала крепость Кампыр-тепе. По видимому, на протяжении длительного времени она осуществляла таможенные функции на переправе через реку. Однако к концу I в. н.э. крепость неожиданно пустеет. Никаких следов погромов от набегов врагов, признаков эпидемии, опустошившей прибыльное место. Исследователь памятника Э. Ртвеладзе считает, что все дело в реке, которая обрушила в воду часть цитадели крепости и, напугав этим обитателей крепости, заставила их срочно ее покинуть.

Древняя столица Хорезма - город Кят, расположенный на правом берегу нижнего течения Аму-Дарьи, примерно в X в. н.э. по той же причине лишился цитадели. Весь город оказался по угрозой наводнений и в связи с этим жилые кварталы начали передвигаться от реки на восток. Сильно пострадала от вод Сырдарьи в средние века известный город Ахсикет. Высокий берег подмыло и часть цитадели рухнула в воду.

Строптивый характер Аму-Дарьи до сих пор сохраняется в этнографических поверьях, согласно которым река до конца света еще семь раз будет менять свое русло.

Вместе с божественными образами, связанными с водой, религиозные тексты, в частности зороастрийские, содержат в себе упоминания о вполне конкретных ирригационных мероприятиях, которые проводили древние иранцы. Так, в рассказе о деяниях царя Йимы говорится о том, что он провел воду до места своего обитания на расстояние тысячи шагов (Вендидат, II,33-38). Обращает на себя внимание и то, что наряду с орошением древние иранцы занимались и осушением болотистых долин. В Вендидате (III,2-4), когда в форме ответов и вопросов о праведной жизни восхваляется земледелие, есть такие строки: (2)"О

творец телесного мира, истинный! Какое... место на земле является наилюбезнейшим?" И сказал Ахура Мазда: "(4)...Поистине и там, ...где орошают сухую почву и осушают почву слишком влажную".

Судя по археологическим данным, в Центральной Азии самая ранняя форма искусственного орошения - лиманное орошение - обнаружена на северных склонах Копет-Дага, которая датируется рубежом IV-III тыс. до н.э. Следы самых древних ирригационных систем, относящихся к середине I тыс. до н.э., зафиксированы в низовьях Мургаба, Аму-Дарьи, Зеравшана, Кашкадарьи. Таким образом, на переход от использования в своих целях "милости реки" до попыток ее "эксплуатации" прошло значительное время.

Центральная Азия знала несколько типов различных ирригационных сооружений.

В большинстве своем это открытые оросительные каналы. Обычно, от основного магистрального канала, голова которого располагалась у источника воды, отходила сеть мелких арыков к конкретным потребителям, находящимся у его конечной части. Строительство таких каналов предполагает прежде всего большой объем земляных работ и необходимое соблюдение определенных инженерных правил. Вследствие чего принято считать, что прокладка ирригационных каналов дело дорогое, осуществление которого под силу только государству. Однако данные археологии свидетельствуют, что появление первых каналов в Центральной Азии произошло в период предшествующий первым государственным образованиям и вероятно было следствием объединенных усилий племен для орошения окрестных земель пригодных для земледелия.

В центральноазиатской этнографии известна форма коллективного труда для выполнения большого объема работ - хошар. Так, еще совсем недавно таджики долины Хуф таким методом строили и ремонтировали основной канал (арык) своей округи. В назначенный день все население, которое пользуется водой магистрального арыка, собирается на работу. Они начинают снизу от селений и заканчивают у головы канала. Возможно, что небольшие площади "ирригационные районы" в Центральной Азии орошались именно такими методами "народной стройки".

Вместе с тем, историки и археологи фиксируют определенную зависимость между экономическим, политическим уровнем развития государства и его отношением к ирригации податных земель.

Известно, что Ахемениды старались повысить плодородность обрабатываемых земель в своих сатрапиях. Вероятно, в комплекс мер входило строительство ирригационных сооружений, за пользование которыми взималась особая плата, шедшая в казну. В селевкидское время в Мервском оазисе по приказу Антиоха (III в. до н.э.) была построена стена длиной 1500 стадий (более 260 км), которая, по всей видимости, отмечала границу орошаемых каналами из Мургаба на тот период земель. Высокого совершенства достигла ирригация в восточных провинциях Сасанидской империи в IV-VI вв. Пришедшие им на смену в середине VII в. арабы даже называли именем Мургаб один из каналов прорытый в иракском городе Басра. Много позднее жители Шаша (окрестностей современного Ташкента) получили от аббасидского халифа МуТтасима (833-842 гг.) 2 миллиона дирхемов на строительство большого канала. Ирригационная система Центральной Азии значительно пострадала в начале XIII века при монгольском завоевании. Определенный регресс в области среднеазиатского орошения прослеживается вплоть до правления Тимура (1370-1405 гг.), когда огромные средства добытые в военных походах были брошены на строительство не только дворцов и мечетей, но и на восстановление старых каналов и прокладку новых. Его деятельность в этом направлении продолжали впоследствии младшие Тимуриды (Шахрух,

султан Хусейн). В дальнейшем феодальная раздробленность мало способствовала проведению крупномасштабных ирригационных работ в Центральной Азии, в которых были бы заинтересованы потребители воды на значительной территории. Существовавшие ирригационные системы поддерживали в работающем состоянии частносменяющиеся местные правители, и, как правило, сами земледельцы, пользовавшиеся водой. Первые русские завоеватели застали в Центральной Азии не только технически отсталое производство, но и следы высокой земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении. Впечатление о величии древних сооружений и практическая значимость вопроса были столь велики, что история ирригации привлекла внимание и ей были посвящены десятки трудов русских исследователей Центральной Азии.

Существенным недостатком открытых каналов являются большие потери воды вследствие фильтрации и испарений на холостой части. Учитывая это, в Центральной Азии еще со времен Ахеменидов существовала закрытая передача воды по подземным каналам особого рода - кяризам. Кяриз представляет собой протяженную подземную сводчатую галерею, в которую через определенные расстояния вели с поверхности земли колодцы-шахты. Об этой форме ирригационного сооружения впервые упоминает Полибий. Кстати, в своем рассказе он приводит пример частного строительства ирригационных сооружений. В результате лица, на чьи средства был возведен кяриз, получили орошенные земли в пользование сроком на пять поколений.

В другом случае причиной строительства кяризов стал не "корыстный расчет", а благотворительность, как это было с известным мусульманским святым Мир-Арабом (XVI в.). Он подарил своему родному городу Саурану два "кяриза". По сообщению источника их вырыли 200 индийских рабов. Исток кяризов был на расстоянии фарсаха (7,5 км) от Саурана; над ним была выстроена крепость, внутри крепости прорыт колодец глубиной в 200 гязов, причем 50 гязов от поверхности земли до уровня воды, 150 гязов составляла глубина воды в колодце; воду поднимали посредством чигиря, а чигирь приводился в движение быком. Сам Васифи, благодаря которому мы знаем об этом, по просьбе Мир-Араба сочинил вакуфную грамоту, где расписал какие средства и как должны быть потрачены на эксплуатацию кяриза.

Посредством кяризов вода вводилась в цитадель (Эрк-калу) древнего Мерва по всей видимости еще в ахеменидское время. Имеется легенда, что много позднее уже в средние века из тюрьмы, расположенной в цитадели, по кяризу бежал один высокопоставленный пленник.

Следует отметить, что в ряде областей Хорасана наблюдается обилие кяризов, а в некоторых местах об их былом существовании до сих пор свидетельствует топонимика, нередко использующая термин кяриз.

По всей видимости с эллинистической эпохи для решения задачи передачи воды в города наряду с каналами начали использовать системы водопроводов. В Центральной Азии на множестве городищ обнаружены многочисленные фрагменты керамических труб - кубуров. Они изготовлялись небольшими (длиной 50-60 см) трубами, один конец которой был уже, а другой шире. Этот нехитрый прием позволял вставлять их одну в другую, создавая таким довольно протяженные водопроводы. Так хорезмийская крепость Кыз-Кала (XII-XIII вв), находящаяся в 2-х км от Амударьи снабжалась речной водой с помощью подземной линии водопровода, состоящей из керамических труб диаметром 50-60 см. А в средневековый Хаджистан (IX-XII вв.) вел почти двадцатикилометровый водопровод из труб кубуров. Легендарные свидетельства сообщают нам о существовании в Центральной Азии водопроводов и из свинцовых труб, в частности, для подачи воды на цитадель Афрасиаба. К

сожалению, археологические подтверждения этих сообщений пока отсутствуют, но общий характер и уровень развития ирригации делают их весьма вероятными.

Наряду с керамическими трубами в среднеазиатской ирригации известны керамические желоба. В поперечном сечении они представляют прямоугольники. Длина такого желоба обычно 60-80 см, при этом обязательно один конец желоба уже (10-15 см), другой шире (20-23 см). Это позволяет вставлять их один в другой. Наземный водопровод в виде небольшой крытой галереи с использованием подобных желобов снабжал водой средневековый город Так-Языр. По наблюдениям исследователей, этот водопровод прослеживался на протяжении 17 км.

Из других гидротехнических сооружений, сыгравших свою роль в истории ирригации Центральной Азии, следует упомянуть акведуки, гидроподъемники, водораспределители и колодцы - сардоба.

Нередко в Центральной Азии можно встретить купольное сооружение, внутри которого располагается хауз (бассейн). Так выглядит среднеазиатский колодец - сардоба, работающий по принципу накопления осадков. Описание сардоба дал в своих мемуарах глава испанского посольства в Самарканд ко двору Тимура Руи Гонсалес де Клавихо (1403-1406 гг.). Вот что он пишет: эти колодцы "сделаны в песке со сводами вверх и укреплены по кругу кирпичной кладкой, так если бы не было этой защиты, то песок засыпал бы их. А вода в этих колодцах скапливается от дождей и снегов". Часто сардоба размещались на местах естественных источников.

Следы сложного гидротехнического сооружения, сравнимого с акведуком, зафиксированы в древнем Самарканде для подачи воды в город. По мнению ряда ученых, функции акведука в I-IV вв.н.э. выполняло сооружение, от которого сохранился довольно продолжительный вал в северной части Старого Термеза. В Бактрии имеется еще ряд останков от неких построек, которые визуально были причислены русскими исследователями к акведукам. Однако подробных исследований этих сооружений до сих пор не проводилось.

Появление подъемников воды с помощью колеса в Центральной Азии произошло в эллинистическое время. В Центральной Азии они известны под названием чигирь. Благодаря бактрийской надписи из храма в Сурх-Котале нам стала известна история II в.н.э., в которой не последнюю роль сыграл подъемник воды. Судя по надписи, внутри цитадели, где располагалось династийное святилище кушанских царей, высохли "вместилища" воды. В результате засухи цитадель была заброшена, а изображения и скульптуры богов унесены из святилища. И все это запустение продолжалось до тех пор, пока некий царский наместник Ноконзок не "вырыл колодец, провел воду, выложил (колодец) камнем - так, чтобы люди, находящиеся в акрополе, не испытывали бы недостатка в воде... А над колодцем был устроен подъемник для воды, было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водохранилищу акрополь стал процветающим". Очевидно, существовали и другие исторические примеры использования подъемников воды, столь же эффективные по своим результатам.

Источники сообщают об интересном сооружении по сбору воды, которое находилось на расстоянии одного дня пути от Мерва. Оно было построено еще в доарабское время и разрушено при монголах. Его восстановил Шахрух в 1409 г. По описаниям Макдиси, это была большая плотина, на которой существовала доска для измерения уровня воды с мелкими делениями. Деления отстояли друг от друга на расстоянии 3 см. Если уровень воды во время половодья доходил до 60 делений, то предвиделся большой урожай; если же вода

поднималась всего на 6 делений, то ожидался голод. Недалеко от Мерва находился другой водомер "похожий на круглый хауз", распределявший воду по городским каналам.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, столь же актуальной как и создание самих ирригационных сооружений - распределение воды.

Вопрос этот решался как на государственном уровне, так и на уровне отдельного села. По сообщению историка Гардизи (XI в.), один из крупных правителей центральноазиатской династии Тахиридов Абдаллах (828-844 гг.) провел мероприятия по упорядочению водопользования и строительства каналов. Он собрал всех законовевдов Хорасана, пригласил таковых из Ирака и поручил им составить свод законов относительно пользования водой для искусственного орошения. В результате их работы была составлен свод правил, названный "Китаб ал-куний" - "Книга об арыках".

В средневековом Мерве для распределения воды существовал специальный чиновник, который возглавлял "Диван реки" - своеобразное министерство по распределению воды. Для контроля за распределением воды и за уходом за ирригационными сооружениями существовал целый штат людей, получающих содержание. Их число доходило до 10000 человек.

В Бухарском эмирате орошение окрестностей контролировал главный мираб. Управление его находилось в голове основного канала Бухары Шахруд недалеко от эмирского дворца. Когда же вода поступала по главному каналу в пределы города, ее распоряжался уже не мираб, а хальфа, заместитель раиса (городского головы). Он размещался около Мазарских ворот Бухары и оттуда распоряжался пуском воды в хаузы и сады, расположенные в городе. Строгая регламентация призвана была обеспечить порядок при всех спорных вопросах, которые могли привести к столкновениям между потребителями воды. Считалось, что мираб в кишлаке должен быть справедлив и неподкупен.

Надо сказать, что и почитание многочисленных водных божеств и строительство сложных гидросооружений все было сосредоточено на том, чтобы сделать обрабатываемую почву плодороднее, а условия жизни человека более комфортными. Однако, история знает немало примеров, когда население той или иной области Центральной Азии не разделяло "громдья планов" своих правителей по строительству новых каналов, весьма неохотно участвовало в проведении общественных ирригационных работ, отказывалось переселяться на новые орошенные территории, и вообще не понимало благодетельного значения проводимых правителями мероприятий. Так, историк Сейид-Раким упоминает о канале, прорытом в местности Кош-Курган, как о событие, вызвавшем широкое недовольство населения. В источнике год этого сооружения канала (1633-34) зашифрован в хронограмму, которая переводится как "начало гнева, ... и притеснения".

Кажется, что со временем мир меняется. Все течет... Сменяются религии: зороастрийцев, для которых осквернение воды телом было страшным грехом, сменили мусульмане, которым предписывалось совершение омовений и которые не мыслили свою жизнь без бань. Уходят в историю государства и политики, которые, как казалось современникам, будут существовать вечно. Уходят, так и не реализовав планов увеличения плодородия своих податных земель гигантскими каналами. И только вода, люди и боги как были, так и будут извечно существовать со своими проблемами на древней земле Центральной Азии в немислимом триумвирате стихии, веры и дел.